

встреча с интересным собеседником

«СЦЕНА — МОЯ ЖИЗНЬ»

Есть люди, которым как бы самой судьбой предназначено стать актерами. Взрывной темперамент, острая реакция на факты искусства и бытия, страстность проживания сценических ситуаций, заставляющая замирать зал, — вот что отличает эти одаренные натуры. Все это результат большого таланта, помноженного на завидное трудолюбие.

Один из таких подвижников сцены — художественный руководитель гастролирующего в нашем городе Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина лауреат Государственной премии РСФСР, народный артист СССР И. О. Горбачев.

— Игорь Олегович, давайте начнем с вопроса, который в таких беседах, как наша, задают обычно последним: если бы вам довелось начать жизнь заново, согласились бы вы повторить ее или попытались что-то изменить в вашей завидной творческой биографии?

— Повторить? В искусстве повторение смерти подобно, и для настоящего артиста нет обиднее похвалы, чем сравнение его игры с игрой кого бы то ни было, пусть даже из самых, что называется, именитых. Впрочем, это, так сказать, моя реакция на слово «повторить». Вы же, насколько я понимаю, спросили, доволен ли я своей судьбой, работой, творчеством. Доволен! Счастлив, что мне выпала такая нелегкая, но интересная жизнь, что судьба привела меня в замечательный творческий коллектив, что играл и играю с большими артистами, одни из которых давным-давно признаны, другие, несомненно, рано или поздно будут удостоены признания.

Но, если уж быть честным до конца, то нельзя не сказать, что с высоты моего нынешнего жизненного и артистического опыта отчетливее вижу и то, чего хотелось бы избежать или сделать по-иному. Я имею в виду и свои роли, и поставленные мною спектакли, и творческую жизнь нашего театра.

— Если можно, конкретизируйте эту мысль.

— Все очень просто. Говорят, нет двух одинаково сыгранных ролей. Выходит, и двух одинаковых спектаклей быть не может. Поскольку пределов совершенству нет, всегда кажется, что любая уже сыгранная роль или поставленный спектакль могли быть лучше. Это вечная мука людей творческого труда, и здесь, думается, все ясно.

Сложнее — с творческим коллективом. Последние годы были нелегкими для нашего театра. Один за другим ушли из жизни такие выдающиеся мастера советской, да и мировой сцены, как Николай Симонов, Николай Церкаев, Василий Меркурьев, Юрий Толубеев, Александр Борисов. Участие даже одного из них делало спектакль заметным событием, обеспечивало ажиотаж. Нас не случайно называли «театром звезд», и отсутствие этих признанных мастеров не могло не сказаться на творческой жизни коллектива. Тем более, что потеряли мы их почти одновременно. Одним словом, позади семь лет борьбы, большого труда, настойчивых поисков и крохотных побед.

Сейчас об этом уже легче говорить, потому что кризис в известной мере позади, и перед театром, как нам думается, открываются новые горизонты.

— Какие конкретные предложения позволяли вам, художественному руководителю, так оценивать перспективы старейшего театра России?

— Во-первых, это мнение не только мое, но и коллектива в целом. Во-вторых, мы постепенно переходим от «театра звезд» к театру ансамбля звезд. На чем основано это убеждение? В последнее время новыми яркими гранями засверкал драматический талант многих мастеров старшего и среднего поколений. Они и раньше играли на нашей сцене, но были менее заметны на фоне яркого сияния корифеев недавнего прошлого. Сегодня их талант, что называется, раскрылся во всей полноте. И, наконец, у нас сформировалось талантливое молодое поколение. Это человек пятнадцать, воспитанных в духе нашего театра и успешно постигающих нелегкое искусство сцены.

Вообще я считаю, что группа театра должна пополняться не «людьми со стороны», а мастерами, воспитанными в самом театре. Для этого у нас был набран актерский курс, и в этом году состоялся первый выпуск.

— Вы — играющий режиссер. Как из ролей последних лет особенно вызвала замечательный общественный резонанс?

— Таких ролей было несколько, но обо всех, конечно, не скажешь. Огмечу, может быть, несколько неожиданно для читателей, роль Иванова в одноименной пьесе Чехова. Она родилась в творческой полемике с волейной Ивановых, прокатившейся в последнее время по театрам страны. Чехов сейчас в моде, его ставят часто. Но каждый режиссер или театр в целом прочитывает его, разумеется, по-своему. И характерно, что обычно, играя Иванова, сводят дело к нападкам на русского либерала. Но он, русский либерал, был вовсе не так уж плох, как нередко представляют его сегодня на сцене. Он был совестливым человеком, просветителем, который не все-

да знал, где выход, избавление от «мерзостей жизни», но уже хорошо понимал, что так дальше жить нельзя.

Толстой, Достоевский, Чехов писали о пленительном русском характере, совестливости, умении познать себя. Такого русского характера я на современной сцене просто не вижу. Мой Иванов, как я смею надеяться, в какой-то мере заполняет этот пробел. При всех негативных чертах характера он остается человеком, глубоко чувствующим, страдающим.

— Давно известно, что театр, как и любой другой вид искусства, это одно из средств идеологического и нравственного воспитания людей. Как оправдывают это высокое предназначение пушкинцы?

— Я бы сказал, что в наши дни театр выдвинулся на передний край идеологической борьбы. Причем, если другие средства идеологического воздействия на человека обращены, прежде всего, к его разуму, то сфера театра — человеческое сердце, его чувства, его эмоции. А что может быть важнее сердца. Как сказал поэт Василий Федоров, кстати, в прошлом новосибирец, «сердца — ведь это же высоты, которых отдавать нельзя». Вот почему мы стараемся, чтобы каждая встреча со зрителем оставила след в его душе, взволновала, заставила задуматься «о времени и о себе».

Мы — артисты драматического театра. Но это вовсе не значит, что мы должны драматизировать факты реальной жизни. Нет, мы — социальные оптимисты и, даже возвышая голос против негативных сторон жизни, стараемся вселить уверенность у зрителя в возможность и, если хотите, неизбежность преодоления зла в какие бы формы оно ни рядилось. Отсюда — оптимистическое звучание наших спектаклей, какими бы драматическими поворотами ни изобилывал сюжет.

— Игорь Олегович, во время предыдущих гастролей несколько лет назад вы сказали, что репетиции любите больше, чем премьеры?

— Это мое кредо и по сей день.

Беседа вел
Е. КВЕЦИНСКИЙ.

Фото Г. Плакина.